

Наиболее продуктивные, взаимноинтересные отношения сложились с газетами «Тюменская правда сегодня», «Тюменская правда», «Голос Конды», «Красный Север», «Тюменский курьер», с телерадиокомпаниями «Регион-Тюмень», «Ладья», «ТРТР», «Ямал-Регион», «Югра», «Радио S».

С первых лет существования кафедры журналистики выпускники получили возможность защищать свои дипломные сочинения по-новому, как самостоятельную творческую работу. Видеофильмы Вячеслава Сидоркина и Аси Топорковой, фотоальбомы Сергея Русанова, Елены Кондратенко стали не просто архивным достоянием кафедры, но и объектом изучения тех, кто идет следом. В планах кафедры – творческие дипломные работы в виде книги очерков, сборника фельетонов, ТВ-шоу и электронных дисков.

Журналисты-теоретики – самые серьезные люди на отделении. Учитывая специфику своей очень беспокойной профессии, они под руководством преподавателей В. В. Девяткиной, С. М. Потрепаловой, Н. Э. Шишкина расширяют свой круг общения, участвуя в научно-практических конференциях, семинарах, конкурсах и т. д.

В нашем регионе, где постоянно растет информационная сеть, потребность в грамотных, хорошо обученных журналистах очень велика. Но нельзя забывать, что подготовка такого специалиста – работа «штучная», поэтому на кафедре всерьез озабочены трудоустройством своих выпускников: здесь существует банк данных и индивидуальный подбор кандидатов по поступившим предложениям.

Нас часто спрашивают: существует ли тюменская школа журналистики? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. За полвека становления нашего Сибирского региона здесь появились свои традиции: выпускники МГУ, ЛГУ, УрГУ, приезжая в Тюмень, вынуждены были «продолжать свои университеты» применительно к суровым условиям Севера. Оттого в сообществе наших журналистов прижились ирония ленинградской школы, обстоятельность свердловчан, помпезность московских нравов. А школы – тюменской школы журналистики – еще не было и не могло быть, т. к. своих специалистов «пера и микрофона» в нефтяной столице не готовили. Памятуя об этом, мы, преподаватели кафедры журналистики, еще только строим, создаем свою школу с великой осторожностью и бережливостью. Сохранив все лучшее, что есть в традициях российских СМИ, и свою собственную гордость, теоретически подкованные и нравственно закаленные студенты будущего факультета журналистики ТГУ должны будут на деле усвоить главные принципы новой школы: компетентность, несуетность, доброжелательность.

Светлана Михайловна Потрепалова
ОТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫМЫСЛА
К ФАКТУ (И. Эренбург)

Статья представляет собой анализ основных этапов творческого пути И. Эренбурга. Акцентируется внимание на движении писателя от литературы к публицистике, от «большой» прозы к «малой», от вымысла к факту.

Так уж случилось, что литература и публицистика неразрывно переплелись в творчестве Ильи Эренбурга. Публицист по сути своей, он начинал литературную деятельность с романов.

Большинство писателей было в свое время корреспондентами газет, сотрудниками и редакторами журналов, прежде чем накопленный опыт и материал позволили им приступить к эпическим произведениям «большой литературы». Эренбург, наоборот, всегда хотел быть писателем, а журналистские моменты своей жизни воспринимал как нечто временное, несущественное, отвлекающее от основной темы, хотя, на наш взгляд, как раз писательский опыт был фундаментом для его блестящей публицистической карьеры, особенно в годы Великой Отечественной войны.

Не будь у него писательского опыта, вряд ли он стал бы тем «звездным» Эренбургом, вряд ли он занял бы такое значительное место в годы войны. Проследим за перипетиями его творческого пути, которому посвящено немало работ. При всех неоднозначных оценках исследователи сходятся в одном: «В течение всей своей литературной жизни он сумел удерживать внимание и на видимом небе советской литературы оставался звездой первой величины» [Парамонов 1991: 132]. «Он существует в истории российской культуры XX века как некое понятие, лишь включающее в себя книги, понятие с разным для людей значением, почти всегда – повышено-оценочным. Он умел вызывать сильные чувства» [Чудакова 1993: 180]. «И. Эренбург – посредственный романист и слабый поэт, его огромная автобиографическая книга, которой он посвятил последний отрезок своей жизни, – далеко не шедевр жанра. И тем не менее, именно он, Илья Эренбург, – человек века» [Домогацкая 1994: 350]. Г. Адамович отметил парадоксальность отношения к Эренбургу: «Его принято замалчивать и притом по обе стороны рубежа: при этом его читают не только обе стороны, но и на иностранных языках». М. Осоргин попытался объяснить это замалчивание тем, что «Эренбург сидит между двумя стульями: один стул в кафе на Монпарнасе, а другой стул, колченогий, в Москве» [Осоргин 1997: 214]. Другой исследователь, В. Попов, поясняет эту мысль: «Положение Эренбурга-писателя в те годы резко разнилось с положением других литераторов, как правило, четко подразделявшихся на советских и эмигрантских, Эренбург же, постоянно живя за границей, но имея советское гражданство, как бы совмещал в себе обе эти ипостаси. Его книги выходили как в России, так и в зарубежье, что не могло не навлечь на него нелюбовь, а порой и зависть литераторов по обе стороны границы» [Попов 1997:214]. Н. Мандельштам подтверждает эту версию противоречивого отношения к Эренбургу, утверждая, что «среди советских писателей Эренбург был и оставался белой вороной» [Домогацкая 1994:358].

Думается, для того, чтобы прижизненно быть «законсервированным в золотом фонде русской литературы», по выражению Б. Парамонова, нужно быть современным, востребованным именно своим временем, веком, быть живым, опять же по меткому выражению Б. Парамонова. Эренбургу это удавалось: каждое десятилетие, начиная с двадцатых годов (времени рождения первого романа), он создавал нечто, что волновало людей, о чем спорили, за что писателя любили или ненавидели.

20-е годы – «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников», 30-е годы – «День второй», 40-е – «Падение Парижа» и т. д. А поскольку именно в эти три десятилетия литература переживала многочисленные метаморфозы, что позволило исследователям литературного процесса делить его на

десятилетние этапы, то получилось так, что ни один из этих этапов не может обойтись без имени Эренбурга.

В работах Т. Трифоновой, А. Рубашкина, В. Попова и Б. Фрезинского, Е. Берар и многих других сделаны попытки более или менее полно осветить все этапы жизненного и литературного пути Эренбурга. Проследим основные моменты, характеризующие Эренбурга как писателя и публициста.

Начнем с первого романа – «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников». «Если бы я не писал этого в 1921 году, – признавался он, – то в 1940 году не сумел бы написать «Падение Парижа». Первый роман явил миру писателя-сатирика, бичующего всех и вся, сомневающегося в светлом будущем социалистического государства, иронизирующего над философией и религией. Пожалуй, в то время это был единственный писатель, который после смело высказанной позиции не только выжил, но и остался «на плаву». Одни критики решили, что автор настолько недалек, что не достоин даже серьезного порицания, другие нацелили критические стрелы на форму произведения, увидев в романе фельетон и ничего больше, третьи решили, что это сатира на буржуазный мир, а главы о России – это «всего лишь» сатирические выпады, вызванные критическим отношением автора к миру и к себе и особенностями главного героя Хулио Хуренито – «Великого Провокатора».

Получив одобрение В. Ленина, Н. Бухарина, А. Воронского, роман выдержал несколько изданий в России и за рубежом, принес Эренбургу известность и славу, хотя и несколько скандальную. Автора обвиняли в сатирическом скепсисе, анархизме, нигилизме, вспоминали Гоголя, Вольтера. Но ясно было: перед нами человек с сатирическим даром, который позже проявил себя в гневной, обличающей сатире публицистических произведений 30-х и в памфлетах 40-х годов. По характеру сатиры в один сатирический ряд можно поставить, кроме «Хулио Хуренито», только его же роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца». В остальных произведениях сатира наличествует в большем или меньшем объеме, но нет в ней искры, вызывающей в читателе ответное чувство. Пока события, описанные в романах, задевали самого Эренбурга, «царапали» его душу, его отклик на них был уничтожающ.

«В «Тринадцати трубках», «Тресте Д. Е.», «10 л. с.», «Дне втором» пессимизм его и скептицизм не заражают, – пишет М. Осоргин. – Ставя точку и расставаясь с читателем, он протягивает ему вялую и неуважающую руку, решительно не обещая ему и впредь ни возвышающего пафоса, ни искристого смеха» [Осоргин 1997:209].

Возвышающий пафос вернется к Эренбургу, когда он переродится в военного корреспондента «Известий» в Испании и в военкора «Красной Звезды» во Второй мировой. Писательская небрежность и ленца, с которой он бичевал пороки общества, начисто исчезнут в годы решительной схватки с фашизмом за культуру, свободу, жизнь. Именно в публицистике 40-х годов (а точнее – в памфлетах) Эренбургу удастся необыкновенно ярко проявить свой дар сатирика, когда весь его яд будет направлен не на художественно типизированные образы, а на живых людей-нелюдей, грозящих смертью всему миру.

Публицистика и художественное творчество настолько тесно связаны у Эренбурга, что это сказывается даже на жанровом уровне. «Хулио Хуренито» не потопил своего автора еще и потому, что его восприняли как фельетон, точнее, как памфлет или роман-памфлет, жанр, предполагающий едкий сарказм и даже гротеск.

Сатирические выпады И. Эренбурга, язвившего из парижской «Ротонды» то по поводу советской действительности, то по поводу капиталистического общества, не имели той убойной силы, появившейся в его статьях, очерках, памфлетах времен Второй мировой войны. Но его публицистический дар смог развиваться благодаря уже написанным прежде произведениям. Без «Хулио Хуренито» не было бы «Падения Парижа», без «Падения Парижа» не было бы очерков «Суд идет!», «Черная душа», «Весна в январе», «Второй день Бородина», статей «Василиск», «Центурионы и валюта», «Презрение к смерти», памфлетов «Презрение», «Фриц-блудодей» и многих других.

По подсчетам исследователей, за годы войны Эренбургом было написано свыше тысячи материалов, включая и зарубежные корреспонденции. Такая поразительная плодовитость Эренбурга-журналиста была качеством и Эренбурга-писателя, который смог создать роман за 28 дней. Благодаря этому во время войны Эренбург был вездесущ и широко известен.

Тематические «ниточки», начинаясь от военных корреспонденций Эренбурга периода Первой мировой в «Биржевых ведомостях» и проходя через «Хулио Хуренито», тянутся вплоть до романа «Буря» (1946-47 гг.).

Одна и та же мысль найдет свое отражение в «Трубке солдата» («Была война. Когда-нибудь подберут эпитет «великая» или «малая», чтобы сразу отличить ее от других войн, бывших и будущих» [Эренбург 1953:546]) и в статье, опубликованной в газете «Красная Звезда» осенью 1941 года «Мы выстоим!»: «Война сейчас меняет свою природу, она становится длинной, как жизнь, она становится эпопеей народа».

«Война – это ненависть народа к народу, а между прочим, никакие проповедники братства, никакие книжки писателей, никакие путешествия, никакие переселения народов не могли их так сблизить, спаять, срыть рубежи, как эти годы в окопах: оказалось, что ненавидят, вторгаются, трусят, колют, терпят в окопах, хрипят, помирая, гниют все – и французы, и немцы, и русские, и англичане – до удивительности одинаково» [Эренбург 1989:115] – страстная речь Хулио Хуренито находит свое отражение в «Трубке солдата»: «Враги лежали рядом, не желая убивать, но твердо зная, что убить необходимо, лежали мирно и громко дышали друг другу в лицо. Они, как звери, принюхивались к чужой шерсти. Запах был родной и знакомый, запах промокшей шинели, пота, скверного супа, глины» [Эренбург 1953:549]. Те же слова в статье «Фронт народов» («Красная Звезда», сентябрь 1941г.): «Он (Гитлер) пытается натравить народы Европы друг на друга. Он пытается натравить Европу на Америку. Но нет крепче цемента, нежели кровь. Кровь связала народы Европы, – кровь мучеников и кровь героев».

«Две силы движут германской армией, – писал Эренбург для зарубежного издания. Первая – это материальная заинтересованность каждого солдата в войне. Они считали, что война для них способ прокормить себя и свою семью» [Эренбург 1974:108]. Продолжается эта тема и в статьях «Василиск» («Красная Звезда», сентябрь 1941г.), «Когда волк начинает блеять» («Красная Звезда», январь 1942г.).

Эренбург описывал гитлеровскую армию как машину, где солдатам незачем думать. Об этом его очерки «Герои третьей империи» (сб. «Испанский закал», 1938), «СС» («Красная Звезда», июль 1941), «Фабрика убийц» («Красная Звезда», август 1941). Но впервые Эренбург предпринял попытку охарактеризовать гитлеровцев опять же гораздо раньше, в своем первом романе «Хулио Хуренито».

Фашистская армия была охарактеризована им также в статьях и очерках, написанных в 30-е годы: «Испания» (1932), «Затянувшаяся развязка» (1934), «Вне перемирия» (1936), «Границы ночи» (1936), «Испанский закал» (1938). Все сборники 30-х годов привели к созданию целого романа о фашизме — «Падение Парижа», законченного в 1941 году. Очерки в вышеперечисленных сборниках были этапами пути, по которому Эренбург шел к своей неповторимой публицистике 40-х: «Я смог работать в «Красной Звезде», находил нужные слова, помогали мне в этом, как и во многом другом, годы Испании» [Эренбург 1990:112].

Сборник военной публицистики «Испанский закал» по своей тематике, структуре, стилю чрезвычайно близок трехтомнику «Война», изданному в 1943 году. В «Испанском закале» Эренбург использует многие приемы, которые будут встречаться у него в очерках, статьях 40-х годов. Это, в частности, прием цитирования фашистских писем и документов, взгляд как бы изнутри, сопоставление слов и дел. Но между испанской публицистикой и публицистикой Великой Отечественной лежит огромная пропасть. «В первые месяцы испанской войны я уделял мало времени моим обязанностям корреспондента «Известий», — вспоминал Эренбург в мемуарах «Люди, годы, жизнь», — правда, в газете с августа по декабрь напечатано полсотни моих очерков, но писал я их быстро, говоря откровенно — мимоходом. Меня отталкивала роль наблюдателя, хотелось чем-то помочь испанцам» [Эренбург 1990:97]. В Испании Эренбургу сказали: «А вы знаете, что должны делать? Не болтаться под снарядами, а писать. У каждого свое ремесло» [Эренбург 1990:118].

Тогда он еще не понимал, что может помочь испанцам своими корреспонденциями. До этого осознания, до мысли, что и слова могут быть боеприпасами, Эренбургу надо было еще идти несколько лет. Этот путь приведет его к роману «Буря».

Написанные в 20-е годы «Повести о легких концах» и «Любовь Жанны Ней» критика оценила как неудачные, ничего не определяющие и не меняющие. До них был остроумный Эренбург, после них («10 л. с.», «Единый фронт») он создал произведения нового типа (Т. Трифонова), сочетающие в себе элементы политического и экономического очерка с элементами романа.

И. Эренбург пытается стать «рядовым советским писателем», отказавшись от собственной индивидуальности. Но зато он приобретает публицистичность, ставшую позже одной из определяющих черт его стилистики. Процесс перерождения в «советского» идет очень трудно, о чем свидетельствуют вышеперечисленные произведения, не давшие, по отзывам критики, правдивой картины советской жизни.

«День второй», вобравший в себя все черты советского писателя Эренбурга, показал, что переход благополучно завершился, а публика получила новаторский роман. В нем отмечали уже приобретенный писателем публицистический стиль в сочетании со стилем художественной прозы (переименовав автора из фельетониста в очеркиста). Если про «Хулио Хуренито» и «Трест Д. Е.» говорили, что это фельетоны, то сейчас удовлетворенно заметили, что и «День второй» на роман мало похож, скорее это очерк с углубленной психологической разработкой характеров. Предположения, что Эренбург газетчик, а не писатель, укрепились после выхода в свет памфлета «Хлеб наш насущный» (1932) и фотоочерка «Мой Париж» (1933).

Пожалуй, самым «газетным» произведением стала повесть «Не переводя дыхания» (1934). Эта книга уже иного Эренбурга вызвала печаль у одних крити-

ков и восторг у других. Сам Эренбург заявил, что для новой действительности нужны новые формы.

Удачнее всех охарактеризовал Эренбурга этого периода М. Осоргин: «Мне было жаль потерять солиста, писателя с отчетливой, не всем слышимой индивидуальностью: родился новый, счастливый писатель-идеалист, пускающий в воздух блаженные, изящные колечки из четырнадцатой трубки: грусть о прежнем «отрицательном» и злостью Эренбурге начинает во мне испаряться и превращаться пока в равнодушие, в ожидании следующей книги, которая, может быть, приучит нас ценить соответственно и нового Эренбурга» [Осоргин 1997:219-220].

К счастью, процесс преодоления собственного стиля достиг апогея и пошел на спад. Власти, убедившись, что Эренбург свой, послали его в Испанию в качестве корреспондента «Известий». Очерки «Испанского закала» во многом сходны с написанными позже очерками «Войны». Те же короткие, емкие фразы, та же афористичность и сочность, тот же пафос. Это обусловлено, как уже было сказано выше, тем, что Эренбург нашел объект для своего гнева. Враг оказался достойным той уничтожающей сатиры, которую изливал на него писатель.

Эренбург был рожден для публицистики, но сам себе в этом так и не признался, говоря, что работа в «Красной Звезде» была для него отлучением от самого себя, от привычных раздумий и сомнений.

На наш взгляд, совершенно справедливо мнение критики, что, не будь у Эренбурга всех его романов, он все равно обеспечил бы себе место в истории литературы только своей деятельностью военного корреспондента. Неточность здесь, пожалуй, только в том, что, как видно из предыдущих наблюдений, именно его романы, повести, памфлеты привели писателя к вершинам публицистического мастерства.

Основными жанровыми формами, используемыми Эренбургом, были статьи и очерки. Очень трудно назвать все периодические издания, в которых в годы войны печатались статьи, корреспонденции, репортажи, очерки Эренбурга. Большая их часть выходила позже отдельными изданиями или включалась в сборники. Для очерков Эренбурга свойственны черты публицистической статьи. Разница между ними, пожалуй, в наличии — отсутствии образной системы и элементов художественного обобщения. Разделение по принципу сюжетен — бессюжетен не дает результатов, поскольку у Эренбурга нет сюжетных очерков.

Почти все произведения Эренбурга, включая романы, носят яркий публицистический характер. Следовательно, первая и самая важная черта стиля очерков Эренбурга — их публицистичность. Этой же чертой, как впрочем, общими идеями, очерки тесно связаны со статьями.

Очень важным является осознание не только публицистичности стиля Эренбурга, но и его лиричности. Авторское «Я» у писателя всегда на первом месте. Его личность, позиция, оценки открыты. И в этом плане к Эренбургу термин «публицистичность», как толкует его В. Ученова, более чем применим: «Критерии публицистического мастерства кроются глубже, нежели в достоинствах собственно литературного изложения. Они — в достоинствах позиции автора, в том, насколько точно определяются возможные перспективы, насколько верно ориентируется политическое сознание читателей» [Ученова 1973:95]. Ее поддерживают Т. Казачкова и С. Яковлев, добавляющий: «Насколько успешно воодушевляются читатели на вполне конкретные и активные политические, социальные, военные и тому подобные действия» [Яковлев 1977:95]. Насколько воодушевлялись читатели Эренбурга, кажется, повторять не стоит.

То, что Эренбург по дарованию своему не только публицист, но и лирик, не вызывает сомнений у исследователей. Эренбург однажды сравнил себя с режиссером, который то и дело выбегает из-за кулис на сцену, чтобы объяснить зрителю свой замысел. Он постоянно говорил о времени и о себе, по выражению Б. Сарнова. Он постоянно вторгался в повествование, опять же начиная с «Хулио Хуренито», «13 трубок», где он был организующим все персонажем. Выпадает из этого ряда только переломная в плане стилистики повесть «Не переводя дыхания». Во всех остальных своих произведениях Эренбург присутствует ясно и зримо. Многие, да и он сам, считали это качество его слабостью. Мы же присоединяемся к мнению Б. Сарнова, утверждавшего, что этот лиризм был его силой...

Убедительной представляется нам точка зрения Б. Парамонова, сделавшего очень простой, в общем-то, вывод: Эренбург не был писателем, он не состоялся как писатель, в строгом смысле. Ему хорошо удавались только вещи, где он писал о времени и о себе. А ведь это типично газетная, журналистская, публицистическая черта. Эренбург мог полностью раскрыться и раскрылся только благодаря времени и газете.

Эренбург выступал как писатель, но он не был писателем, он был журналистом. Он мог говорить о себе, о том, что он знает, что видел, прямо, не скрываясь за собственными персонажами.

Умело сочетая изобразительные средства, лирические образы с публицистическим пафосом, сопоставление событий с их перечнем, переплетая судьбу России с судьбами Европы, историю с настоящим, Эренбург выработал свой, неповторимый, лирический по природе своей, стиль.

Сам Илья Эренбург говорил, что «писатель должен уметь писать не только для веков, но и для короткой минуты, если в эту минуту решается судьба его народа», и в то же время признавался себе: «Некоторые писатели написали тогда хорошие романы, повести, поэмы. А что у меня осталось от тех лет? Тысячи статей, похожих одна на другую, которые теперь сможет прочитать только чрезмерно добросовестный историк, да несколько десятков коротких стихотворений...» [Эренбург 1990:397]. Он опасался, что его публицистическая работа во время войны заслонит всю его прошлую и будущую литературную работу. Опасался потому, что не увидел, не почувствовал в себе прирожденного корреспондента.

И он бы был прав, его публицистика 40-х заслонила бы литературную работу, если бы только сама не опиралась на нее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домогацкая Е. Странствия и метаморфозы И. Эренбурга // Вопросы литературы. 1994. Вып. 4.
2. Осоргин М. А. 10 л. с. // Русская литература. 1997. № 2.
3. Осоргин М. А. Эренбурговы трубки // Русская литература. 1997. № 2.
4. Парамонов Б. Портрет еврея: Эренбург // Звезда. 1991. № 1.
5. Попов В. М. А. Осоргин и И. Г. Эренбург // Русская литература. 1997. № 2.
6. Ученова В. Публицистика и политика. М., 1973.
7. Чудакова М. Об И. Эренбурге и Е. Берар // Звезда. 1993. № 9.
8. Эренбург И. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1953.
9. Эренбург И. Летопись мужества. М., 1974.
10. Эренбург И. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. М., 1989.
11. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1990.
12. Этквинд Е. Предисловие к книге Е. Берар «Бурная жизнь И. Эренбурга — еврея, русского, советского» // Цит. по: Домогацкая Е. Странствия и метаморфозы И. Эренбурга // Вопросы литературы. 1994. Вып. 4.
13. Яковлев С. Л. М. Леонов — публицист. Л., 1977.